

Тасран
за рубежом

Московский театр
г. Москва

14 ФЕВ 1986

Государственный концертный ансамбль Союза ССР Московский классический балет, ставший ныне Театром балета, недавно вернулся домой из гастрольной поездки по Китаю. Наш корреспондент Светлана Новикова встретилась с художественными руководителями коллектива, лауреатами Государственной премии СССР, народной артисткой РСФСР Натальей Касаткиной и заслуженным деятелем искусств РСФСР Владимиром Васильевым.

— Что в Китае проказало на вас самое яркое впечатление?

Васильев: — Да, наверное, вся поездка была ярким впечатлением. Мы многое видели: музеи, исторические памятники, о которых раньше только читали. А знать из книг или видеть самому — это далеко не одно и то же. Одно путешествие по Великой Китайской стене чего стоит! Это широкая, мощенная плитами бесконечная лента. Она проложена по самому гребню гор, по труднодоступным местам, но кажется, что идешь по ровной дороге. Мы столько прошли, что даже у таких привычных к нагрузкам людей, как артисты балета, потом пару дней болели ноги. Хорошо, нас туда повели после окончания гастролей. А то бы не могли танцевать.

Запомнился и день первого спектакля. Мы едем в шанхайский театр под проливным дождем. Подъезжая, видим тысячные толпы — море зонтиков. Это те, кто надеется достать билет, жаждают попасть на спектакль.

Еще одно впечатление — китайская кухня. Некоторые европейцы к восточной кухне относятся настороженно. А мы с первых же дней с легкостью перешли на китайские кушанья. Трепанги, скажем, можно и пропустить: европейцу трудно к ним привыкнуть, хотя они и очень вкусны. Каждый день нам давали мясо, но всякий раз оно имело другой вид и вкус. Казалось, китайские повара ставят перед собой задачу превратить привычный продукт в непривычный. Нечто сладкое, розового цвета могло оказаться говядиной. После этого шло, например, пирожное, а потом суп или рыба.

— Я знаю, что вы бывали в Китае раньше. Какие перемены бросаются в глаза?

Васильев: — Первый раз я был в Китае в 1959 году, на гастролы в Большой театр, так что у меня есть возможность сравнивать. Что осталось неизменным, так это огромный интерес китайцев ко всему советскому, к людям из Советского Союза. Сейчас большинство одеваются — по-европейски. Много читают, очень интересуются искусством: театром, живописью. Любят советские фильмы. С большим успехом там идут «Дождем до понедельника», «Летят журавли», «Москва слезам не верит»...

Сейчас они активно борются с жилищным кризисом. В Шанхае приходится 1,5 квадратного метра жилья на человека, а

Пекине — 3 метра. Весь Китай строится. Пекин сплошь в башенных краях, но эту проблему, конечно же, быстро не решишь.

Основной транспорт — велосипед. Представьте себе центральную улицу, ну вроде нашей улицы Горького: в один ряд, чуть не соприкасаясь, едут машины. Все остальное — сплошной поток велосипедистов. Они имеют дорожные преимущества, машины должны им уступать. Видели мы «велосипедные парочки», которые едут, обнявшись, на двух велосипедах.

— Как проходили ваши гастроли?

— Наши спектакли шли в двух городах — в Шанхае и Пекине. За неделю до приезда труппы мы вдвоем с Касаткиной приехали, чтобы осмотреть театры, где будем выступать. Нам предоставили здания с очень большими зрительными залами:

где только можно. А перед воротами замков обычно стоят два льва. Один держит шар — кажется, символ власти. Другой положил лапу на маленького львенка. Это — символ любви. Хотя нам, глядя на его ощерившуюся морду, на страшный оскал зубов, в это верилось с трудом.

В китайском национальном балете символизм сочетается с условностью. А символизм такой, что европейцу часто не понять. Например, в танце переданы движения всадников на воображаемых лошадях. Это мы поняли. Вдруг в зале хохот. В чем дело? Нам говорят: лошади подрались. Как это сделано, нам совершенно непонятно. Даже состояние человека, его душевный трепет в китайском балете показывается через условности. Взаимоотношения артист передает дрожанием рук,

там, у которых учились в Москве; и основные принципы, по которым развивался китайский балет, — это принципы развития советского балета.

Мы показали во время гастролей два спектакля — «Сотворение мира» Андрея Петрова и «Проделки Терпсихоры». «Проделки Терпсихоры» — спектакль о балетном конкурсе, о его закулисной жизни, о работе жюри, выступлениях артистов. Это как бы балет в балете, что позволяет вводить различные эпизоды — как фрагменты, исполняемые участниками конкурса. В наших гастрольных спектаклях приняли участие две китайские пары, знакомые советскому зрителю по Пятому международному конкурсу артистов балета, что проходил этим летом в Москве. По ходу сюжета китайские артисты прилетели на конкурс, тянули номера, выступили. Для китайского зрителя это было приятной неожиданностью, сюрпризом, зал буквально кричал от восторга. Каждый спектакль выливался в яркую демонстрацию добрых отношений между советским и китайским народами.

— Китайцы — эмоциональные зрители?

Васильев: — Скорее напротив — очень сдержанные. Мы посмотрели у них несколько спектаклей и поразились тому, как они принимают артистов. По ходу действия иногда вспыхивали короткие хлопки, но тут же затихали, а по окончании спектакля — секундные аплодисменты, и все покидают зал. Оказывается, у них принято: не публике благодарит артистов, а артисты благодарят публику за внимание.

Конечно, для нас это было непривычно, поэтому, давая пресс-конференцию и выступая по радио, мы говорили, что европейским артистам очень важно ощутить контакт с публикой. И, можно сказать, эту их традицию мы сломали: надпринимали очень хорошо. На первом же нашем спектакле «Проделки Терпсихоры» — после каждого номера раздавались аплодисменты, а в конце произошло чудо: зал скандировал. Как только музыка умолкла, разом все семь тысяч зрителей встали и мест и ринулись к сцене, чтобы получить рассматривать артистов. Представьте себе, огромная масса народу и две излучающие в бинокли. Внушительное зрелище!

Воспитанным на традициях советской хореографической школы пятидесятых годов китайцам интересно было увидеть, какая наш балет сегодня. Нам было очень приятно услышать от деятелей китайского балета, что такого успеха, как у нас, не имел ни один коллектив; что они хотят поддерживать творческие связи с советскими хореографами и педагогами, рассылать на помощь и сотрудничество, просят выслать специальную литературу. Семья, заброшенная десятилетия назад в «балетную почву», дала всходы. Теперь им требуется заботливый уход.

ИНТЕРВЬЮ

ПРОДЕЛКИ ТЕРПСИХОРЫ

пекинский театр вмещает около трех тысяч человек, а шанхайский, построенный для проведения митингов, — десять тысяч. Правда, продавали билеты только на центральную часть зала — 6600 мест, потому что с боков сцена видна не вся. На всех спектаклях залы были набиты до отказа.

Но оба театра оказались недостаточно оснащенными для балетных спектаклей: не имели кулис, задников, необходимой осветительной аппаратуры. Мы объяснили китайским коллегам, что нам нужно, и за оставшиеся дни общими усилиями успели насытить залы техникой.

Касаткина: — Работать с китайцами было легко. Они очень хорошо понимали, что мы хотим, и все немедленно исполнялось. Наши деловые отношения быстро переросли в дружбу.

— И не возникало никаких национальных барьеров?

— Никаких. Если мы делали что-то, с их точки зрения, неправильно, они тут же говорили: ошибка. Например, в нашем балете «Сотворение мира» есть сцена появления на свет Адама. Он рождается естественно, а Раю, а китайцы поняли, что в Аду. Оказывается, зеленый цвет, которым мы подсвечивали «райские кушанья», у них считается цветом дьявола. А красный, обозначающий у нас адекое пламя, — цветом радости. Получилось, что в нашем спектакле Адам — в Аду, а Черт — в Раю. Когда нам это объяснили, мы тут же перделали: на Черта посветили зеленым, а для Раю взяли оранжевый фильтр.

У китайцев много своих символов, непонятных европейцам. Дракон — это счастье, они любят рисовать драконов,

гнез — вытянув руку с двумя сомкнутыми пальцами вперед и вверх. Есть и такая условность. В китайском доме обязательно высокий порог — чтобы, как астары считали, бес не перешел. Если танцовщик переступил, высоко подняв ноги, — значит он ушел через порог и находится уже в другом ясте. Таких условностей было много и в старом европейском балете. Например, поднятые вверх два пальца означали «клянуся». Постепенно забытые, эти символы уходят из европейской классики, а в Китае они традиционные и всем понятны.

— А понятен ли китайцам советский балет?

Васильев: — Он вызывает огромный интерес. Китайская хореография развивается в двух направлениях — классическому балету и национальному. Классическому всего три десятка лет, и создавался он с помощью советских педагогов и балетмейстеров. Наибольший вклад в развитие китайского классического балета внес профессор Петр Андреевич Гусев, работавший в Китае в пятидесятые годы. Национальный балет Китая намного старше. Это самобытный, ни на что не похожий богатейший материал. Его элементы связаны во многом с акробатикой — технически сложные, виртуозные движения. Не не это определяет китайскую национальную хореографию, а изящество, тонкость, стиль.

Многие детали китайского балета — не только старшего, но и среднего и молодого поколения — прекрасно говорят по-русски. Понимают и благодарят педаго-